

ОТРЫИ и серьезный разговор начала «Литературная газета» статьей Т. Чеботаревской, посвященной сегодняшнему состоянию Художественного театра, судьба которого волнует всех нас. И тем не менее, я считаю, что в этой статье еще не до конца обнаружено то основное звено, найдено то главное, что мешает сегодня работе МХАТа.

Перед XXII съездом партии театр показал три новых спектакля о современности, о советском человеке — «Цветы живые» Н. Погодина, «Над Днепром» А. Корнейчука, «Хозяин» И. Соболева. Каждый из них имеет право на существование, заслуживает добрых слов, уважения. И все-таки ни один из них, равно как и поставленные ранее «Битва в пути» и «Точка опоры», не стал событием нашей художественной жизни, не вызвал

ТРЕВОГА, РОЖДЕННАЯ ЛЮБОВЬЮ

значатся сегодня имена многих актеров, выступающих в качестве режиссеров, не имея на то — если опять гово-

реть откровенно — ни достаточных оснований, ни достаточных прав. Я не против приобщения актеров к режиссуре вообще. Известно, что именно из актерской среды вышли все или почти все выдающиеся режиссеры нашего времени: Станиславский, Вахтангов, Мейерхольд, Попов, Дикий, Завадский, Охлопков, Симонов... Но надо ли доказывать, что далеко не каждый актер, даже очень опытный и талантливый, обладает возможностями стать режиссером.

В своем большинстве актеры-художественники, перешедшие сегодня на режиссерскую работу, имеют довольно солидный стаж и опыт преподавательской работы. Однако достаточно ли опыта работы с учениками, особенно, если учесть обычно довольно скромные результаты этой работы (я говорю о спектаклях учащихся старших курсов театральных вузов), для того, чтобы иметь право быть режиссером, постановщиком в Московском Художественном театре? Вряд ли есть смысл ломиться в открытые ворота и убеждать, что режиссер — это профессия, самостоятельная профессия, а не производное от актера или преподавателя актерского мастерства.

А ведь смотришь на афиши иных мхатовских спектаклей последнего времени, раздумываешь над самими этими спектаклями и убеждаешься в справедливости наблюдения Г. Товстоногова, что «никакая другая профессия не дает такого простора для дилетантизма, как профессия режиссера». Ведь и в самом деле, многие из спектаклей МХАТа, к сожалению, подтверждают правоту товстоноговского наблюдения, что человеку «средней интеллигентности и культуры... если он к тому же поднаторел в театральной терминологии, если он в курсе момента и конъюнктуры... довольно несложно выглядеть режиссером».

Целый комплекс проблем возникает в связи с раздумьями о судьбе Художественного театра. Но не решив проблему проблем нынешнего МХАТа — **проблему режиссуры**, не решишь и ни одной другой.

Говоря о забвении традиций Станиславского и Немировича-Данченко, Хмелева и Добронравова, В. Орлов пишет о равнодушии и скептицизме, которые, как короста, поражают целые актерские поколения. И это наблюдение — справедливо, а явление — опасно. Но кто спрашивается, повинен в этом актерском равнодушии, в ремесленном отношении актера к своей профессии, к своему призванию? Сами актеры? Бесспорно. Но не они одни, а и режиссура театра, не зажигающая актеров новыми общественными и художественными идеями, не волнующая, не будоражащая их увлекательными перспективами новых свершений в искусстве.

Как можно мириться с тем, что многие высокоодаренные, опытнейшие мхатовские актеры годами не работают над новыми ролями, что их творческие силы, не находя себе применения, чахнут? Как можно мириться с тем, что многие актеры отдают театру лишь малую часть своей души и малую толику своего времени? Преподавательская деятельность, съемки в кино, выступления на радио, телевидении, эстраде... И кому, как не режиссуре театра, не его руководству, надлежит всерьез задуматься над тем, а всегда ли полезно, всегда ли плодотворно подобное совместительство? Не охлаждает ли оно порой актерские души, не распыляет ли внимание и силы, не наносит ли трудно-возместимый урон театру? Какого еще иного отношения, кроме равнодушного, можно ждать от актера, коли он или годами простаивает, или в силу великой своей перегруженности не имеет времени для творчества!

не не испытал столь остро влияния культа личности на развитие искусства, как МХАТ. И ни один театр не расплачивается за последствия этого влияния столь жестоко еще и сегодня. Этот воистину редкостный, выдающийся художественный организм в годы культа личности оказался вне критики. И вряд ли исключительность положения способствовала развитию и укреплению критического духа внутри самого коллектива.

Но и рассматривая сегодняшнее состояние Художественного театра как следствие влияния культа личности на развитие искусства, я вовсе не хочу обрушивать на головы театра и его крупнейших мастеров какие бы то ни было ложные или несправедливые обвинения. Нет, все происшедшее и происходящее с Художественным театром — не столько его вина, сколько беда.

Отсутствие критического духа, отношение к подвижности в искусстве как к чудачеству — разве это не злейший тормоз в работе творческого коллектива? Ведь нечего греха таить, немало найдется среди мхатовских «стариков» людей, способных оценивать нынешний день Художественного театра так же трезво и беспристрастно, с такой же неприкрытой тревогой и болью, как это сделал В. Орлов в статье «Лицо традиций», опубликованной год назад на страницах журнала «Театр».

Глубоко прав В. Орлов, утверждая, что «актеры... Художественного театра стали терять тот высокий уровень профессионализма, которым всегда был славен МХАТ».

Но в чем же причина? Ведь времени для того, чтобы расстаться с не критическим отношением к своему творчеству, трезво и открыто взглянуть правде в глаза, прошло более чем достаточно.

Может быть, в том, что ушло из жизни старшее актерское поколение: Леонидов, Качалов, Москвин, Тарханов, Книппер-Чехова, Лилина? В том, что ушли выдающиеся художники среднего поколения Хмелев и Добронравов? Но ведь живы и поражают сегодня замечательными сценическими открытиями Тарасова и Андровская, Топорков и Ливанов, Орлов и Степанова, Зуева и Яншин. Не оскудели талантами и новые актерские поколения!

Не раз приходилось слышать, что якобы истоки многих бед театра коренятся в отсутствии талантливой, яркой

Юр. ЗУБКОВ

драматургии. С этим можно было бы согласиться, лишь забыв, с одной стороны, о тех талантливых пьесах, мимо которых прошел в последние годы МХАТ, и с другой, — о том, что и «Бронепоезд 14-69», и «Земля», и многие другие спектакли создавались театром на основе произведений прозы.

Не хотелось бы, раздумывая над репертуарной линией театра, упрекать его за отсутствие последовательности. Хочется видеть в обращении МХАТа к Шекспиру и Шиллеру стремление расширить свой творческий диапазон, овладеть своеобразными подступами к решению героической темы. Однако уловить последовательную, строго продуманную линию театра в подборе пьес современных советских авторов трудно. У МХАТа были и в далеком прошлом и в недалеком свои авторы, кровно близкие ему: Чехов, Горький, Леонов, Булгаков... А сегодня? Сегодня выбор ряда пьес и ряда названий случаен. Нельзя же, к примеру, всерьез считать мхатовской пьесой посредственный водевиль В. Раздольского «Дорога через Сокольники». На иных спектаклях художественников обращает внимание «первозданность», нетронутость очевидных драматургических просчетов, шаблонность языка героев, прямолинейность многих ситуаций и образов. И раз от разу убеждаешься в том, что авторские просчеты, которые замечает неискушенный зритель, оказываются незамеченными крупнейшими мастерами Художественного театра.

О ДНАКО авторские просчеты — просчетами. А как объяснить то жестокое поражение, которое потерпели мхатовцы, обратившись к пьесе Артура Миллера «Смерть коммивояжера»? За недостатками пьесы здесь не укроешься. Миллеровская пьеса обладает рядом бесспорных художественных достоинств, — еще свежа в памяти замечательная ее постановка Ленинградским театром имени Пушкина.

И сейчас я подхожу, вероятно, к одной из самых существенных причин нынешнего положения МХАТа — к отсутствию в театре режиссуры, способной сплотить и целенаправить коллектив, увлечь его своими творческими замыслами, видением будущего спектакля, организовать спектакль как единое целое, помочь актерам проникнуть в глубины человеческого характера.

Мне уже приходилось писать о том, что на афишах Художественного театра

91